

СТОКГОЛЬМ – КАЗАХСТАН – ВЕШЕНСКАЯ

Заметки биографа

Как напомнить казахстанцам о том, кто не раз бывал в Казахстане и любил его народ? Мне, биографу классика и почти четверть века сотрудничавшего с ним, показался интересным сюжет Нобелевской премии. Благо, что в этом году ещё одна дата особого звучания – полвека минуло, она была вручена автору «Тихого Дона».

Решение было и кратким, и обобщенно значимым: «Комитет Академии Искусств Швеции присуждает Нобелевскую премию 1965 года Михаилу Александровичу Шолохову в знак признания художественной силы и честности, которые он проявил в своей донской эпопее об исторических фазах жизни русского народа».

Газик из райцентра. 1965. Западно-Казахстанская область, прибрежная к Уралу реке глухомань – Братанов Яр, 15 октября. В который уж раз приезжает сюда классик: творить в тишине и отдалиться первозданной природе всеми своими страстями охотника и рыбака.

В этот день он проснулся очень рано – и с рассветом принялся за свой роман «Они сражались за родину». Выписывал строки о приезде к Николаю Стрельцову его брата, генерала, прототипом которого был реальный генерал с многотрудной судьбой Лукин. Через несколько часов Шолохов так наработался-измочалился, что с радостью подумал о рыбалке. Вышел звать добровольцев вдохнуть уже студеного воздуха и позябнуть на берегу или в лодке.

Вдруг вдали углядел мчащуюся с серо-пыльным шлейфом машину. Кто-то из местных признал – едет секретарь райкома партии. С чего бы это? Тот подкатил к домику и, задыхаясь от волнения, оповестил об извещении Нобелевского комитета.

Новоявленный лауреат Шолохов слушал это решение в своем рыбацко-охотничьем одеянии – ватник и старая шапчонка.

В глазах райкомовца всемирный триумфатор походил на простого колхозника. Первых поздравителей всего-то несколько человек.

Стокгольм. Будни Нобелевского комитета осенью: завершена подготовка списка главных претендентов на премию; отсеялись 89. Теперь для завершающего рассмотрения остались Михаил Шолохов и, судя по газетам, явный фаворит 56-летний гватемалец Мигель Анхель Астуриас. Немало членов комитета высказывались в пользу английского поэта Одена, живущего в США, израильского

прозаика Агнона и западногерманской поэтессы Нелли Закс. И еще, как рассказывали, был в списке Константин Паустовский, замечательный лирический прозаик. Сколько же соперников!

Москва. 30 июля Шолохов шлет письмо тому, кто год назад сместил Хрущева со всех постов и занял его место в Кремле: Л. Брежневу. В письме и сдержанность, и скромность, и вера в необходимость партдисциплины: «Недавно в Москве был вице-президент Нобелевского комитета. В разговоре в Союзе писателей он дал понять, что в этом году Нобелевский комитет, очевидно, будет обсуждать мою кандидатуру. После отказа Жана Поля Сартра (в прошлом году) получить Нобелевскую премию со ссылкой на то, что Нобелевский комитет необъективен в оценках и что он, этот комитет, в частности, давно должен был присудить Нобелевскую премию Шолохову, приезд вице-президента нельзя расценить иначе как разведку.

На всякий случай мне хотелось бы знать, как Президиум ЦК КПСС отнесется к тому, если эта премия будет (вопреки классовым убеждениям шведского комитета) присуждена мне, и что мой ЦК мне посоветует?

Премии обычно присуждаются в октябре, но уже до этого мне хотелось бы быть в курсе вашего отношения к затронутому вопросу.

В конце августа я поеду месяца на 2-3 в Казахстан и был бы рад иметь весточку до отъезда».

Брежнев запросил мнение отдела культуры. Заведующий не промедлил: «Присуждение Нобелевской премии в области литературы тов. Шолохову М. А. было бы справедливым признанием со стороны Нобелевского комитета мирового значения творчества выдающегося советского писателя. В связи с этим отдел не видит оснований отказываться от премии, если она будет присуждена».

Первое упоминание о желании шведской творческой элиты видеть Шолохова лауреатом появилось в газетах этой страны еще в 1935 году. В 1946-м повторилось. В 1954-м дело дошло до запроса Нобелевского комитета в Москву за рекомендацией к старейшему тогда романисту-академику С.Н. Сергееву-Ценскому. Но, увы, пока эта процедура громоздко согласовывалась в Союзе писателей и в ЦК партии, срок ответа был пропущен, что и высказал в своём письме Нобелевский комитет. В 1957-м Шолохов снова назван в числе претендентов.

Что нынче Шолохов? Июль и далее – он живет своей обычной жизнью. Вот, к примеру, литературные заботы. Прочитал почти 20 рукописей от тех, кто ждет его благословения на вхождение в литературу. После этого дал поручение своему литературному секретарю найти возможность отрецензировать лучшие и пояснил с заботой: «Молодежь, подающая надежды, чувствительна... Острые слова рецензента могут затемнить дорогу тем, кто подает надежды...» Высказался в беседе со своими домашними о «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля: «Такой словарь должен быть в каждой семье...» И тут же с критикой: «Сейчас его днем с огнем не найдешь, бумагу жалеют» (замечу: именно он в 1982 году наирешительнейше помог мне, тогдашнему издателю, прервать 30-летнее отсутствие переизданий по причине «классовой» неприязни партбонз, да тиражом 400.000). Читает жене и дочери отрывок из книги Джона Стейнбека «Путешествие с Чарли в поисках Америки». Получил рукопись переводов Бёрнса от визитера-переводчика – тот жалуется, что Корней Иванович Чуковский препятствует их выходу. Шолохов вознамерился писать в Москву, в Союз писателей,

пока же устно высказал свое недоумение: «Конечно, перегибает с рифмами, с переносом английской образности на русскую, но и Чуковский поступает неправильно, молодому переводчику устроил разгром...» Наказ дал тем, кто задумал о нем документальный фильм, – отринул идею восхвалительно-сладенького сценария: «Надо показать, что я вместе с героями жил, и самым трудным было переживать то, что переживали они».

Уральск. Итак, лауреату надо вылетать в областной центр и «выходить на связь» с Москвой. Обком партии прислал самолетик. С ним прилетел телевизионщик.

Лауреат уже готов в дорогу: при параде – теплая куртка, серого цвета офицерские галифе, пыжиковая шапка и яловые сапоги.

...Шолохова препровождают в кабинет первого секретаря обкома. Поздоровался, принял поздравления и взялся за ручку – набросать телеграмму в Нобелевский комитет. Его соединили и с Москвой, и он продиктовал: «Сердечно благодарю за высокую оценку моего литературного творчества и присуждение Нобелевской премии. Также с благодарностью принимаю ваше любезное приглашение прибыть в Стокгольм на Нобелевские праздники. Михаил Шолохов».

Закончил и будто мимолетно произнес: «С опозданием присудили... Лет бы этак на двадцать пять...»

Из «Правды» звонок по правительственному телефону от главного редактора. Шолохов ему будто бы в шутку:

– Говорят, что не хотите дать интервью со мной, а я здесь всем отказываю – первое за «Правдой».

– Мы не знали, примете ли премию...

– Это же было обусловлено.

– Мы не знали... Если не возражаете, к вам прилетит Юрий Лукин... «Правде» очень нужно интервью нобелевского лауреата.

– Пусть летит самолетом, который идет на Гурьев. Здесь его встретят.

Устроили чаепитие для приуставшего с дороги гостя. Все разговоры вертятся вокруг премии, а Шолохов вдруг хозяину кабинета, главе обкома, совсем о другом: «Дорогой мой Коспанов, я убедительно прошу тебя обратить внимание на ваши Камыш-Самарские озера. Браконьеры губят их былую охотничью славу. И с воздуха, и с земли, и с воды бьют... Есть там ваш рыбопункт, он, по-моему, одними алкашами укомплектован... С вертолетов бьют сайгу – она у вас за границу ушла... Ходатайствуйте перед правительством об открытии на этих озерах заповедника...»

Добавил, припомнив свою недавнюю поездку в Финляндию: «У финнов в озерах, где вода не замерзает из-за текучих вод, утки зимуют, их подкармливают...» Закончил с горечью: «Неужели не научимся по-людски к природе относиться?!»

Вышел и оказался в осаде у журналистов, но держался твердо: «Первое слово для “Правды”». Один из них задумал поинтриговать:

– У меня из-за вас пропали командировочные.

– Почему пропали?

– Я же не взял интервью...

Шолохов под смех: «Я отдам эти деньги, только не осаждайте сейчас меня!»

Все-таки прилетел с правдинскими полномочиями старинный друг Юрий Лукин, тот, кто был с конца 1930-х годов лучшим редактором у Шолохова. Началось

надиктовывание интервью: «Разумеется, я доволен присуждением... Но прошу понять меня правильно: это – не самодовольство индивидуума, профессионала-писателя... Тут преобладает чувство, что я хоть в какой-то мере способствую прославлению своей родины и партии... И, конечно, родной советской литературы...»

Из Уральска вернулся с правдистом в свое глухое стойбище – надо собираться в Москву. Последняя охота и селезень к ногам жены Марии Петровны: быть полевой лапше!

Пока казан вскипал, Шолохов сочинил для Лукина шутивную пародию на охотничьи дневники Хемингуэя; ведь гость по страшной близорукости никакой не стрелок.

27 октября в Вёшках раздался по телефону голос Шолохова – сказал секретарю: «Прилетел вчера в Москву. Наши с Братановского выедут сегодня или завтра утром. Кабанятину дикую будешь есть? Жди через день...» Трубку, однако, не положил: «Протопите дом-то...»

Помолчал и с вопросом, странным для совсем не тщеславного человека: «Из ЦК приветствие есть от кого или нет?» Не было – услышал в ответ. Телеграфное поздравление от ЦК и Совета министров почему-то пришло только 30 октября.

Дома – Дон. В Вешенскую прибыл через два дня. На станции в Миллерове ахнул – сколько ликующего народа встречает. Дома только скользнул взглядом по груде поздравлений. Перебирать их в этот день не стал.

Пригласил секретаря райкома. Когда выслушивал поздравления, проговорил с горькой усмешкой: «Запоздалая невеста».

Его затребовали в Ростов на пресс-конференцию. Зря потратил время – не состоялась из-за отсутствия столичных журналистов; нелетная погода для московских рейсов. Возвращался на самолете с происшествием – незадолго до посадки «забарахлил» мотор. Почетный пассажир заметил сбой, но виду не подал.

Отобедали с любимым яблочным пирогом, и тут-то наконец взялся листать поздравления, да вдруг хохотнул: «В Восточной Германии живут 18 миллионов немцев и ни одной просьбы, а одна русская оказалась среди них и запросила 400 рублей. Смех смехом, а это дурное воспитание – не от бедности просит».

Вечером отправил телеграмму в посольство Швеции в Москве: «Прошу передать в адрес Шведской Королевской Академии господину Карлу Ригнару Гирову следующее: благодарю за приглашение на завтрак девятого и за возможность выступить с лекцией одиннадцатого. Все будет исполнено».

Интервью особого калибра. С середины ноября зачастили гости из Швеции – журналисты-интервьюеры. Первой группе повезло. Хозяин захватил ее с собой на остров Островной порыбалить. Была ли рыбалка успешной, неизвестно, но то, что никто не замерз благодаря предусмотрительно-горячительным стараниям Шолохова, – это точно. Второй группе повезло не меньше – так ухитрились обольстить хозяина, что он при всей своей нелюбви к интервью ответил на 47 вопросов. Среди ответов были такие, что и спустя полвека интересны:

– Были ли сомнения в получении премии?

– Нет.

– Были ли мысли о деньгах?

– Важно признание, а не деньги.

– Чувствуете ли вы себя стариком?

- В присутствии дам не скажу. Я бы сказал «нет», еще молод.
- Что вы можете сказать о модернизме в литературе?
- Литература должна обновляться эволюционно.
- Учились ли западные литераторы у русских, и наоборот?
- Толстой говорил, что учился у Стендаля. Русская литература не возникла из ничего. Также и Пушкин. И наоборот, творчество Толстого и Достоевского обогащало западную литературу.
- Какие качества должен иметь хороший роман?
- Художественную силу и честность, как сказано в решении Нобелевского комитета.
- Основное в работе писателя?
- Ум и труд.
- В чем прелесть охоты и рыбалки?
- В этом возможность отдохнуть на природе. А мысль продолжается все время.
- Многие думают, что западный и восточный мир сближаются?
- Это, признаться, не моя область знаний.
- За других сказать трудно, что у других писателей в портфеле. Я занят романом о войне.
- Какие лучшие качества русского народа?
- Они давно известны, их нечего повторять.
- В чем отличие русского народа от советского?
- Нет разницы. Я интернационалист.
- Почему вы не стали лириком?
- Видимо, талант у меня такого направления. Поэзию я люблю, но в ней совершенно бездарен.
- Как чувствуете себя, когда видите свой успех?
- Когда легко пишется, я бросаю писать, так как это подозрительно...
- Было еще одно интервью. И в нем тоже встречается то, чего раньше писатель не высказывал. Увы, советские читатели этого не читали:
- Вы связаны с методом социалистического реализма?
- Что об этом думать, читайте, что я написал.
- Какую тему вам хотелось бы раскрыть в новом романе?
- Хотелось бы написать и о любви.
- У писателей всего мира должен быть «круглый стол». Как вы себе его представляете?
- Идея «круглого стола» не получила своего развития. «Круглый стол» – это регулярные встречи... (С горечью ответ: явно припомнилось, как ЦК прицкинул на него, когда в 1956-м через журнал «Иностранная литература» высказал идею постоянных писательских общений.)
- Ваше отношение к творчеству Солженицына?
- Не всякую мемуарную литературу можно отнести к художественной.

Предотъездные хлопоты. Строптив станичник. Не хочет просить оплатить билеты. Об этом я узнал по архиву ЦК партии: «Выделения дополнительных средств СП СССР не требуется, т. к. проезд оплачивается т. Шолоховым».

Но нужен фрак – без него, оказывается, никак нельзя. Лауреат узнал об этом, кажется, всего за сутки до отъезда. С пометой «Весьма срочно» в ЦК идет за-

писка из Союза писателей: «В связи с тем, что по существующему ритуалу тов. Шолохов при вручении премии должен быть одет в специальный фрак, а в наших условиях пошить установленный фрак в оставшиеся сроки не представляется возможным, тов. Шолохов просит выдать ему на приобретение в г. Хельсинки фрака и экипировки сопровождающих его лиц 3 тыс. американских долларов с последующим возвратом из Нобелевской премии...»

На второй день декабря Шолоховы – он, Мария Петровна и дети – выехали в Стокгольм через Хельсинки. С ними Юрий Лукин и работник отдела культуры ЦК, бывший мой директор «Молодой гвардии» Юрий Мелентьев. Их в ЦК потребовал Шолохов.

По дороге лауреата стали знакомить с сообщениями прессы разных стран. Выслушал по абзацу из четырех газет. «Уже давно было совершенно ясно, что Шолохов должен получить премию... Академия только исправила свою ошибку...» – это голос из Швеции. «Решение Шведского жюри опоздало на 20 лет...» – это мнение из Италии.

«Величайший русский роман...» – это отклик из Англии. «Идеальный лауреат...» – это эхо из США.

Он произнес: «Хвалят – это хорошо, а “облаивают” ли?» Его не хотели огорчать. Он настаивал. Тогда раскрыли папку и взялись переводить. «С таким же успехом премию можно было присудить секретарю КПСС...» – это шведская «Дагенс нюхетер». «Если шведские академики ставили задачу выдать политическое вознаграждение, то их выбор является идеальным...» – это «Вашингтон пост» «Позорно... Шолохов – ярый советский коммунистический романист...» – это «Нью-Йорк геральд трибюн».

Прокомментировал, жалеючи слова: «Гм-гм. Занятно...»

На третий день декабря высадились в Хельсинки. Три дня прошли здесь в главной заботе – приобрести фрак. Он примерил новую для себя «спецодежду»:

– Ну, официант!

– У тех черная бабочка – у вас белая...

Мария Петровна с дочерьми тоже стали, как пошутили, «обмундировываться». Когда вернулись из магазинов, давай дефилировать перед лауреатом в роскошных платьях. Его Мария Петровна предстала истинной королевой: красива и величественна в новых нарядах.

Потом на небольшом автобусе, который выделил наш посол, помчались в портовый городок Або. Долго еще помнилось, как пели по дороге русские песни, казачьи тоже.

Потом погрузились на корабль «Свеа Ярл» и под мерные у борта всплески, по счастью, тихого моря устремились в столицу всемирного признания.

В преддверии премии. 7 декабря. Шолохова встречали на причале советский посол, представители комитета и туча журналистов.

Повезли в лучшую гостиницу – Гранд-отель. Уже в полдень – пресс-конференция. Он изумил настырное племя пишущих и диктующих – никакой чопорной протокольности. Ему, к примеру, вопрос: «Что будете делать с деньгами?» – а он – озорничает: «Я поеду в Южную Америку и Австралию и не буду давать никаких интервью».

Вечером вдруг стал надиктовывать телеграмму в Каргинскую (с чего бы это вспомнилась станица, где начинал ходить в школу?): «99 процентов уверенности»

в том, что новая школа будет – есть. Остальное – мои хлопоты на месте. Жму руку. Ваш Шолохов». Это он подтвердил свое решение помочь отстроить новое школьное здание.

Каждый день расписан по минутам. На следующий день два особых пункта в программе: завтрак – его устроила Королевская академия, и обед от издателя. Повезло издателю – не скрывал радости: спрос на «Тихий Дон» стремительно подскочил, а это отличный барыш.

Когда с трудом выкраивали из протокола хотя бы полчаса свободных, то – устали или не устали – прогуливались по красивым улицам и площадям. Манили витрины магазинов – книжных тоже: видели там большие фотографии Шолохова и рисунки Аксиньи с Григорием на переплетах совсем свежих изданий.

День коронации. 10 декабря. Новоиспеченные лауреаты с семьями усаживаются в роскошные лимузины – везут к стокгольмской ратуше... Сзади – машина посла СССР с флажком... Вводят в Большой концертный зал – здесь будет главное действие... Посол сопровождает... Чопорная аристократия...

Вёшенец меж ними ничуть не теряется – многим даст фору: строен, гордая посадка головы, высокий лоб, нос с горбинкой, белая изящная кисть руки на черном фоне фрака... Элита берет другим – орденами и драгоценностями... Семья Шолохова на почетных местах... Подошел распорядитель, и лауреатов куда-то увели...

В четыре часа тридцать минут – точь-в-точь – появляются король и вельможная свита. Зал встает. Поклон от монаршей семьи, и все садятся. Пауза – король достает текст своей речи: читает в благоговейной тишине. По окончании возносятся звуки фанфар. Это сигнал для двурядного шествия. Четыре студента в белых корпоративных шапочках и с чересплечной лентой цветов шведского флага чинно ведут за собой семерых триумфаторов – писателя и ученых.

Зал выслушивает представителей нобелевских комитетов – какими достижениями славен каждый новый лауреат. Шолоховы выслушивали: «Могущественное произведение... Присуждается ему поздно, но, к счастью, не слишком поздно, пополняя список лауреатов именем одного из самых выдающихся писателей современности...»

Затем все по очереди подходят к королю. Он вручает диплом и золотую медаль. Через каждые десять минут оркестр играет музыку финна Сибелиуса и австрийца Моцарта. Перед началом торжества Шолохов узнал о строгом церемониале. Обязателен поклон Его Величеству. (Шолохову на следующее утро прочитали в нашем посольстве репортаж американского агентства «Ассошиэйтед Пресс»: «Казачи не кланяются, они никогда не делали этого и перед царями...» «Так ли было?» – как-то спросил я у Шолохова. Он ответил с лукавой усмешкой: «Да нет же, был поклон. Был! Мне протокол ни к чему было нарушать. Я ничего такого не замышлял. У меня просто, наверное, другого выхода не было. Король в росте на голову меня превосходил. Ему кланяться можно... А мне как? Мне несподручно. Мне пришлось голову подымать – надо же ему в глаза взглянуть, а уже потом опускать».)

Королевская трапеза. Вечером банкет-прием в Золотом зале все той же ратуши: 850 гостей (!). И вновь монарх произносит речь. И снова приветствия каждому увенчанному премией. Шолохову «досталась» речь секретаря комитета (понравилось, что чопорный швед был не лишен остроумия): «Господин Шолохов,

когда вам присудили Нобелевскую премию, вы занимались охотой на Урале и, по сообщению московской газеты, именно в день присуждения подстрелили одним выстрелом двух диких гусей... Но если мы прославляем вас сегодня как сверхметкого стрелка среди нобелевских лауреатов текущего года, то это оттого, что разговор о таких метких попаданиях имеет отношение к вашему творчеству...»

Марии Петровне небось тут же припомнилась вкуснейшая лапша от этого последнего выстрела на озере Жалтыркуль, правда, не гуси были, а один селезень ну да ладно – охотничьих баек для красного словца никто не отменял.

Речь продолжалась. Оратор отметил, как Шолохов воссоединил «огромный размах» и «величественный поток эпизодов и фигур» с «острым взглядом на каждую деталь». Дальше подытожил, да так, что сдержанный зал оживился: «Соединение же обеих возможностей является приметой гения, вашего гения. Это бывает столь же нечасто, как две птицы на линии прицела. Вы подстрелили обоих одним выстрелом...» Закончил столь же изящно: «Ваше искусство переходит все границы, и мы принимаем его к нашему сердцу с глубокой благодарностью».

Потом всех пригласили к трапезе. Шолоховым было чему поражаться. В зал вошли 15 поваров в высоких колпаках, чтобы прошествовать меж столов с подносами благоухающих яств. Ужин был обставлен с истинно королевским изыском...

Утром – визит в Дом Нобеля, здесь располагался Нобелевский фонд. Лауреату вручили чек на 282 тысячи крон, а это, как пересчитали знающие люди в посольстве, равнялось 54 тысячам долларов.

Потом состоялся обед в королевском дворце. Столы были накрыты в зале с поэтическим названием «Белое море». Напряженная программа продолжалась. Следующий день был отдан Обществу дружбы «Швеция – СССР»: осмотр выставки, речь лауреата, речи взволнованных активистов, Шолохова попросили поздравить двух победительниц конкурса на знание советской культуры и вручить им путевки для путешествия в Москву.

Лауреат и здесь пожинает почести – для него всем залом исполняется песня. Под мелодию песни о Стеньке Разине – казацкая! – пели «про сына степей», про его «замечательные книги» (названия романов были зарифмованы) и о том, что его страна «освободила мир от нацизма». И закончили при мерцании свечей на каждом столике хоровой здравицей ему. Как не растрогаться!

Вопросы, вопросы... Новым днем, с утра, ему дорога в городок Упсала. Здешний университет славится своим факультетом славистики. Собралось 800 студентов и профессоров. Едва представили, заявил:

– Я думаю, что форма вопросов-ответов – это наиболее живая форма, а читать вам лекцию я не имею возможностей, да и считаю, что вы и без меня уже достаточно ученые.

Раздался смех – растопил аудиторию. Показал и то, что не боится неожиданностей от лихих на каверзы студентов, и то, что сам готов к импровизации, даже Лукина втянул в ответы. Открыт был. Без утайки рассказал о том, что в «Тихом Доне» использовал мемуары генералов Деникина, Краснова, Лукомского и архивы, как же иначе писать роман с такой исторической панорамой. Столь же открыто признал, что пришлось исправлять некую – «курьезную» – фактическую ошибку с названием одного военного корабля. И даже позволил заглянуть в тайны своей творческой лаборатории. Его, к примеру, спросили о реальной основе «Судьбы

человека»: «Есть ли такой человек в действительности и мальчик такой?» Ответ был обстоятелен:

– В свое время, когда Льву Николаевичу Толстому княгиня Волконская написала письмо и спросила у него, кто является прототипом князя Болконского, Толстой ей ответил, что он не фотограф, что он не обязан придерживаться протокольной правды, что он свободный художник и он волен, взяв какой-либо прототип, формировать его по своему усмотрению. Примерно так же можно ответить на этот вопрос. Мне встретился скиталец с мальчиком, биография его почти во всем схожа с биографией Соколова...

Мог бы на этом и закончить, но вдруг признался: «Мне хотелось проверить себя – не разучился ли я писать короткие рассказы...»

Были и такие вопросы, которые раздражали (виду, правда, не подавал): может ли советский писатель критиковать советские порядки, не является ли Союз писателей коллективным членом КПСС, издается ли в СССР порнография?..

Поцелуй под аплодисменты. Нобелевскому лауреату с берегов Дона неожиданно довелось увидеть языческое действо. В ратуше. Его попросили участвовать в выборах Люсии – королевы света. Рассказали: в Швеции, как и некоторых других странах, жив обычай еще с древних времен – в хмурые зимние дни чтить светоносное начало. В каждом городе-городке-селеньице с песнями, шутками, за чашечками кофе выбирают своих сиятельнейших королей. Вот его – почетнейшего гостя – и просят короновать избранную Люсию. Раздалась итальянская песенка «Санта-Лючия». Неожиданно погас свет, а потом, когда снова вспыхнул, под звуки фанфар появилась перед русским гостем очаровательная дочь рыбака, вся в белом, с красным пояском – королева, если, правда, этого пожелает высокий гость. Он взял с алой бархатной подушки корону – со свечами – и венчал Люсию.

Она была подготовлена к встрече с русским Его Превосходительством. Шолохов растрогался, когда она произнесла на русском с милым акцентом: «Я очень рада и благодарна вам за доброе внимание! Спасибо!»

Он ее чмокнул в щечку, и зал восторженно захлопал.

И снова дома. 14 декабря Шолоховы попрощались со Швецией. В Москве они задержались на несколько дней – их ждал правительственный прием. Там обычно сдержанный Шолохов поразил всех необычным проявлением юмора. Когда к нему подошел с поздравлениями некто высоченного роста, лауреат вдруг взял стул, встал на него и уравнился для объятий.

За неделю до нового года они возвратились в Вёшки. И устремились гости-поздравители. Во Дворце культуры, в клубах по хуторам и станицам стали показывать популярную тогда кинохронику «Новости дня» с репортажем о нобелевских торжествах. Вёшенцы лицезрели своего Шолохова и его семью во всем блеске всемирной славы и сожалели, что их великий земляк и его сыновья не выходят на вёшенские улицы прогуляться во фраках.

В ворохе поздравлений были телеграммы и из Казахстана. Вот бы кто нынче из любопытствующих журналистов съездил за ними в Вешки.

Новый год Шолохова уговорили встречать не дома. Столы с настоящей донской щедростью были накрыты в зале заседаний райкома. И тосты произносили с искренним почтением, и кричали по старому обычаю: «Обмыть! Обмыть медаль! Любо-любо!» – и угощались от души, и пели в охотку свое донское, и в круг входили с лихими донскими плясками, и жарко лобызались с лауреатом – всё

по-казачьи. Станичники, пусть и высокопоставленные, после четвертой-пятой не очень-то блюдут всякие там райкомовские церемонии. Расходились по домам после многих «стремянных» и «забугорных» под утро. Хорошо на душе, когда от мороза под ногами хрусткий снег и наичистейший звончатый воздух.

Вскоре из Москвы подоспела подборка из откликов зарубежной прессы на лауреатство. Секретарь поверх всех выложил перевод из сенегальской газеты – поразил экзотикой: «Его герои, как и многие африканцы, живут в полном единении с природой – землей и небом, русской саванной (степью), домашними животными... При чтении возникают ассоциации – от станицы в русской степи к спящим под звездным небом деревням Подора Ндиума, от воинов Эль Омара к героям донского казачества. Нигер, Конго, Замбези, Нил...»

Речь особой ценности. В шведском выступлении Шолохова немало того, что остается поучительным даже спустя, – вот некоторые извлечения из него:

«Многие молодые течения в искусстве отвергают реализм. На мой взгляд, подлинным авангардом являются те художники, которые в своих произведениях раскрывают новое содержание, определяющее черты жизни нашего века. И реализм в целом, и реалистический роман опираются на художественный опыт великих мастеров прошлого. Но в своем развитии приобрели существенно новые, глубоко современные черты...»

В чем же состоит призвание, каковы задачи художника, считающего себя не подобием безучастного к людским страданиям божества, вознесенного на Олимп над схваткой противоборствующих сил, а сыном своего народа, малой частицей человечества? Говорить с читателем честно, говорить людям правду – подчас суровую, но всегда мужественную, укреплять в человеческих сердцах веру в будущее, в свою силу, способную построить это будущее...

Думаю, что художником имеет право называться тот, кто направляет эту силу на созидание прекрасного в душах людей, на благо человечества...

Я говорю о реализме, несущем в себе идею обновления жизни, переделки ее на благо человека...

Мы живем на земле, подчиняясь земным законам, и, как говорится в Евангелии, дню нашему довлеет злоба его, его заботы и требования, его надежды на лучшее завтра...

Я хотел бы, чтобы мои книги помогали людям стать лучше, стать чище душой, пробуждать любовь к человеку, стремление активно бороться за идеалы гуманизма и прогресса человечества. Если мне это удалось в какой-то мере, я счастлив...»

* * *

Михаил Шолохов любил Казахстан и не раз приезжал, в Алма-Ату тоже. Кое-что в подробностях об этом можно прочитать в моих книгах: «Шолохов» (серия ЖЗЛ), воспоминания «Михаил Шолохов в светлых и черных сюжетах» в книге «Корифеи моего времени. Свидетельства очевидца» и «Белая книга: М.А.Шолохов. “За” и “Против” в двух темах: – был ли плагиатором; – оправданы исправления биографии. И о тех, кто вступался за правду».

